
ТЕОРИЯ

Ю. И. СЕМЕНОВ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ЛОГИКИ РАЗУМНОГО МЫШЛЕНИЯ

1. Два вида мышления: рассудочное и разумное

Вполне понятно, что если философия есть всеобщий метод мышления, то она должна исследовать мышление, то есть должна быть *наукой о мышлении*. Но изучением мышления занимается немалое число наук. Мышление изучают и психология, и физиология высшей нервной деятельности, и патология мышления, и теория информации и т. п. Отличие философии от всех других наук, занимающихся проблемами мышления, заключается в том, что она исследует мышление исключительно как процесс постижения истины. Такого рода науку о мышлении принято называть логикой.

В реальности существуют два качественно отличных вида мышления. Начало их различению положил еще Платон. Разделив познание на чувственное и интеллектуальное, он выделил в мышлении такие два его вида, как ноэсис и дианоия. Аристотель и последующие античные философы различали в мышлении нус и дианою. В Средние века и Новое время за этими двумя видами мышления постепенно закрепились названия «рацио» (*ratio*) и «интеллект» (*intellectus*). В русской философской литературе эти два вида мышления стали обозначаться как рассудок и разум, рассудочное мышление и разумное мышление. Однако это различение не было чрезмерно строгим. Очень часто понятия интеллекта (разума) и рацио (рассудка) использовались как равнозначные друг другу и понятию мышления вообще.

Различали разум (интеллект) и рассудок (рацио) такие западноевропейские философы, как Северин Бозций, Иоанн Скот Эриугена, Фома Аквинский, Николай Кузанский, Джордано Бруно, Имма-

нуил Кант, Фридрих Якоби, Фридрих Шеллинг, хотя не все они использовали эти термины и не всегда вкладывали в них одно и то же содержание. И. Кант даже говорил о существовании кроме формальной логики другой логики, которую он назвал трансцендентальной. Но смысл подразделения мышления на разумное и рассудочное впервые более или менее глубоко раскрыл только Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Мышление есть целенаправленная волевая деятельность человека. Но оно представляет собой не только субъективную деятельность человека. Мышление одновременно есть объективный процесс, развивающийся по объективным же законам. Это долгое время не замечалось, ибо данный объективный процесс был облечен в форму субъективной деятельности. Открытие мышления как объективного процесса произошло очень поздно. И сделано оно было Г. В. Ф. Гегелем.

Именно в результате исследований последнего стало ясно, что если под рассудком, рассудочным мышлением в большинстве случаев понималось мышление как субъективная деятельность человека, то под разумом, разумным мышлением – мышление как объективный процесс. Таким образом, существуют два неразрывно связанных вида мышления: мышление как субъективная деятельность человека, подчиненное определенным нормам, правилам, – рассудочное мышление, или просто *рассудок*, и мышление как объективный процесс, идущий по объективным законам, – разумное мышление, или просто *разум*. Соответственно существуют и две разные науки о мышлении – две разных логики.

Одна из них есть наука о рассудочном мышлении. Последнее впервые было детально исследовано Аристотелем, который и создал науку о нем, получившую название формальной логики. Эта наука рассматривает мышление только как субъективную деятельность человека и выявляет правила, которым должна подчиняться эта деятельность, чтобы результатом было постижение истины. Исследованием же самой истины формальная логика не занимается. Она не есть теория познания, гносеология. Поэтому, зародившись в недрах философии, формальная логика в последующем выпала из нее и стала вполне самостоятельной наукой.

Другая логика – наука о разумном мышлении, которая является одновременно и теорией познания, и онтологией и наиболее общим методом познания мира. Эта логика является философией, совпадает с философией. Открытие Г. В. Ф. Гегелем мышления как объективного процесса привело к преобразованию философии. Она поднялась на новую, более высокую ступень развития, обрела новую форму. Только с этого момента философия стала наукой о мышлении как объективном процессе, стала логикой, но такой, которая принципиально отличалась от формальной логики, была логикой не формальной, а содержательной, диалектической.

Формами рассудочного мышления являются понятие, суждение, умозаключение. Понятие как форма присуще и содержательной логике. Но разумные понятия (интеллектуалии) существенно отличаются от рассудочных понятий (рационалий). Если рассудочные понятия можно только соединять и разъединять, то разумные понятия развиваются, движутся, переходят друг в друга, взаимопревращаются. Что же касается суждений и умозаключений, то они не представляют собой форм разумного мышления. Последнее обходится без них. Но зато у разумного мышления есть свои собственные формы, которыми являются идея, интуиция, унитаризация (холизация и эссенциализация), версия, холия, гипотеза и теория. Важной категорией логики разумного мышления (но не формой этого мышления) является понятие факта.

2. Понятие факта – исходная категория разумного мышления

Об «основной клеточке мышления» и тем самым об исходной категории формальной логики до сих пор спорят. Одни считают таковой понятие¹, другие – суждение². Диалектическая логика не занимается суждениями. Но рассматривая процесс познания мира, она начинает вовсе не с понятия. Ее исходная категория – *факт* (от лат. *factum* – сделанное). Понятие факта пришло в философию из науки и долгое время не рассматривалось как категория гносеологии, а тем самым и философии.

---

¹ См., например: Строгович, М. С. Логика. – М., 1949. – С. 74 и сл.; Алексеев, М. Н. Диалектика форм мышления. – М., 1959. – С. 276–278 и др.

² См., например: Асмус, В. Ф. Логика. – М., 1947. – С. 27–31; Клаус, Г. Введение в формальную логику. – М., 1960. – С. 59–60; Копнин, П. В. Диалектика как логика. – Киев, 1961. – С. 228–233 и др.

Отмеченная выше родословная понятия факта привела к тому, что под фактами многие понимали факты лишь науки. Слово «факт» часто понималось как синоним словосочетания «научный факт». Некоторые философы шли еще дальше. «Научный факт, – утверждал, например, Н. Ф. Овчинников, – является фундаментальным элементом научного знания, поскольку он включен в определенную теоретическую систему. Вне теоретической системы мы можем иметь дело с чувственными данными, но не с научными фактами»³. В таком случае получается, что научные факты возникают только с появлением теории, но никак не раньше, что теория первична, а факты вторичны, производны от нее. Ошибочность этой точки зрения более чем очевидна. Нельзя согласиться ни с подобного рода толкованием научных фактов, ни с сужением понятия факта до понятия научного факта.

Кроме фактов научных, бесспорно, существуют факты повседневной жизни, которые условно можно назвать житейскими. Конечно, между научными и житейскими фактами существует определенное различие, но и те и другие находятся в рамках одного общего качества.

Выяснением того, что нужно понимать под фактом, занимались специалисты в области как конкретных наук, так и философии. Но единой точки зрения по этому вопросу как не было, так и нет⁴. Не вдаваясь в детали дискуссии, отмечу лишь основные точки зрения. Одна из них состоит в том, что факт есть явление действительности. Вторая – в том, что факт представляет собой образ действительности. Третья различает два вида фактов: факты, существующие в реальности, и факты – образы этой реальности. Четвертая: факт есть суждение, высказывание, предложение, содержащее определенные верные сведения.

Несмотря на все различия, существует нечто общее в понимании факта практически всеми учеными (но не обязательно филосо-

---

³ Овчинников, Н. Ф. Методологическая функция философии в естествознании // Материалистическая диалектика и методы естественных наук: сб. статей / под ред. М. Э. Омеляновского. – М., 1968. – С. 22.

⁴ Обзор взглядов на природу факта см.: Меерзон, Л. С. О некоторых спорных вопросах в освещении проблемы факта науки // Философские науки. – 1971. – № 2. Хотя со времени написания этой статьи прошло много лет, положение в этой области знания мало изменилось.

фами). Факт, как он мыслится всеми подлинными исследователями, обладает двумя, казалось бы, несовместимыми особенностями. Первая – его объективность. Факт, взятый сам по себе, не зависит от сознания человека и человечества. Это нашло свое четкое выражение в широко известном высказывании английского публициста XVII в. Ю. Баджелла: «Факт – ужасно упрямая вещь»⁵. Под упрямством факта подразумевается его объективность, его независимость от желания и воли людей. Вторая особенность факта состоит в том, что он существует в сознании человека. Именно в сознании человека факты «хранятся», «накапливаются», «группируются», «истолковываются», а иногда «подтасовываются» или даже «фабрикуются».

Все это, вместе взятое, помогает понять природу факта. Факт есть момент действительности, вырванный из нее и пересаженный в сознание, точнее, в мышление человека. Иначе говоря, факт есть разновидность вещей для нас, вещей, существующих в нашем сознании. В сознании факт существует как содержание истинного, то есть соответствующего реальности, суждения (или нескольких суждений). Но сам он ни в коем случае не является суждением. В сознании этот момент действительности, которая всегда есть нечто целое, будучи вырванным из действительности, выступает как один из ее фрагментов. Таким образом, факт не представляет собой ни образа внешнего мира вообще, ни формы мышления в частности, ни явления действительности самого по себе.

Фактов в объективном мире самих по себе нет. Но в этом мире есть объективные моменты, которые, будучи пересаженными в сознание, становятся фактами. Эти объективные эквиваленты фактов, эти вещи в себе я буду называть эквивактами (от лат. *aequus* – равный).

Как уже указывалось, о фактах написано много как верного, так и неверного. Но появлялись и такие работы, которые иначе как абсурдными назвать нельзя. К числу их относится, например, статья В. С. Черняка «Факт в системе научного знания» (1975). «Научные факты, – заявляет автор, – могут быть как истинными, так и ложными. Факты ошибочны тогда, когда они не соответствуют наблю-

---

⁵ Цит. по: Душенко, К. Цитаты из всемирной истории: от древности до наших дней. – М., 2006. – С. 35.

даемым явлениям...»⁶ Но понятие истинности и ложности относится только к определенным формам мысли, в частности к суждениям. Факт есть не форма мысли, а объективное содержание мысли. Поэтому он не может быть охарактеризован ни как истинный, ни как ложный. Он может быть только объективным и никаким другим.

Наряду с фактами могут существовать и существуют сознательные или бессознательные вымыслы, выдаваемые за факты. Вымышленными были, например, превращения пшеницы в рожь и наоборот (Д. Т. Лысенко и его приверженцы), вирусов в бактерии и обратно (Г. М. Бошьян), возникновение клеток из бесструктурного живого вещества (О. Б. Лепешинская) и т. п.⁷ Все это нередко называют вымышленными или ложными фактами.

Подобного рода вымыслы, которые выдавались за факты, конечно, можно называть ложными фактами или, короче, лжефактами, но при этом всегда нужно принимать во внимание, что в действительности они никакими фактами не являются и заведомо быть ими не могут. Лжефакт не разновидность факта, а прямая противоположность ему.

«В сознании некоторых буржуазных ученых, – добавляет к сказанному В. С. Черняк, – существует предрассудок, будто факт представляет собой нечто неопровергаемое никаким дальнейшим развитием знания. Подобная точка зрения получила распространение, в частности, в логическом позитивизме. Однако такая абсолютизация факта, превращение его в абсолютно истинный компонент научного знания ничего общего не имеет с реальным процессом развития научного знания»⁸.

Ничего оригинального в этом утверждении нет, кроме, пожалуй, стремления автора представить взгляд на незыблемость факта как буржуазный, а, следовательно, противоположный – как антибуржуазный. В действительности же пропагандируемая им точка зрения давно уже отстаивалась западными философами. «Итак, – писал М. Малкей, – мы пришли к заключению, опровергающему две основные предпосылки стандартной концепции; то есть наш вывод состоит в том, что фактуальные утверждения науки ни неза-

---

⁶ Черняк, В. Факт в системе научного знания // Политическое самообразование. – 1975. – № 10. – С. 55, 56.

⁷ См.: Медведев, Ж. Взлет и падение Лысенко. – М., 1993; Соиферт, В. Н. Красная биология. Псевдонаука в СССР. – М., 1998.

⁸ Черняк, В. Указ. соч. – С. 54.

висимы от теории, ни стабильны в своих значениях»⁹. При этом М. Малкей ссылается на работы западных философов, вышедшие задолго до статьи В. С. Черняка.

Тратить место и время на опровержение этой, на мой взгляд, заведомой чепухи жаль. Поэтому я ограничусь приведением высказывания выдающегося русского ученого В. И. Вернадского. Затрагивая историю развития минералогии от древности до наших дней, он писал: «Неуклонно все эти века происходила работа нередко чрезвычайно медленного собирания научных фактов, которые в конце концов являются незыблемой основой всякого точного знания. Они, а не захватывающая мысль человека теория, в конце концов строят науку. Точно установленный факт по существу всегда дает больше, чем основанная на нем, его объясняющая теория. Он верен и для будущей теории и в исторической смене теорий он остается неизменным... Многие из наших самых современных научных теорий опираются, в своей основе, на старинные наблюдения... Эти и многие другие точно научно установленные факты незыблемы и лишь точнее и полнее выявляются при росте научного знания»¹⁰. С такого рода взглядом на факты согласится любой настоящий ученый.

3. Обретение житейских и научных фактов. Два способа добывания научных фактов: наблюдение и эксперимент

Существуют разные способы получения, нахождения, обретения фактов. Ученые, как правило, специально ищут факты, добывают их. Научные факты ищутся, получаются, добываются, устанавливаются, извлекаются. Но ни в коем случае не создаются. Конечно, бывают люди, даже среди ученых, которые выдают за факты продукты своей фантазии. Одни из них являются жертвами самообмана (например, французский физик Р. П. Блондло, «открывший» в 1901 г. N-лучи)¹¹, другие – сознательными мошенниками (например, сбежавший на Запад бывший советский разведчик В. Б. Резун). Людей, которые «фабриковали» факты, всегда называли фальсификаторами. Положение изменилось во второй поло-

---

⁹ Малкей, М. Наука и социология знания. – М., 1983. – С. 62.

¹⁰ Вернадский, В. И. История минералов земной коры. – Т. 1. – Вып. 1. – Пг., 1923. – С. 3–4.

¹¹ См.: Сибрук, В. Роберт Вуд. Современный чародей физической лаборатории. – М., 1980. – С. 229–233.

вине XX в., когда появились философы, которые объявили, что факты не открываются учеными, а создаются, фабрикуются ими. Такой взгляд отстаивают, например, постпозитивисты Т. Кун, П. Фейерабенд и практически все философствующие постмодернисты. Парафилософам (от греч. *para* – около, возле) и лжефилософам срочно понадобилась лженаука.

Житейские факты в отличие от научных обычно приобретаются в ходе повседневной практической деятельности людей. Это отнюдь не означает, что специальный поиск житейских фактов вообще полностью исключен. Бывают жизненные ситуации, когда люди начинают специально искать и собирать факты. Но в целом, если процесс обретения научных фактов всегда, за небольшими исключениями, носит активный целенаправленный характер, то получение житейских фактов в большинстве случаев происходит стихийно. Люди находят факты, хотя их поисками специально не занимаются.

Так как ученые специально ищут факты, то в науке выработались различного рода способы, приемы добывания фактов. Первый из них – наблюдение. Наблюдение в науке – не «глазение», а систематическая деятельность, имеющая целью не обеспечение успеха определенных конкретных человеческих дел, а получение знания и только знания. О наблюдении как способе получения фактов можно было бы говорить без конца, ибо этой теме посвящено множество работ, но я думаю, что и сказанного достаточно. Еще больше работ написано о таком способе добывания фактов, как эксперимент. И здесь я ограничусь минимумом сведений. Если наблюдение есть такой вид добывания фактов, при котором человек не вмешивается в протекание объективных природных или общественных процессов, то эксперимент предполагает такое вмешательство. Экспериментатор целенаправленно воспроизводит тот или иной объективный, чаще всего природный, процесс и наблюдает за его ходом. Эксперимент всегда включает в качестве своего необходимого момента наблюдение.

Когда речь заходит о научном познании, во всех учебных пособиях по философии обязательно более или менее подробно рассказывается о наблюдении и эксперименте. Это, конечно, хорошо. Но плохо то, что рассказ о методах добывания фактов всегда ограничивается характеристикой исключительно наблюдения и экспери-

мента, причем почти всегда на примере одного лишь естествознания. Почти никогда не указывается, что своеобразные формы наблюдения используются для получения фактов и в социальных науках, в частности в этнологии (этнографии).

И никогда в общих трудах по гносеологии не говорится о способах добывания фактов в науках, в которых в принципе невозможны ни наблюдения, ни эксперименты. К числу их прежде всего относится историческая наука (историология). Последняя исследует прошлое. А это такой объект познания, который к моменту исследования в объективной реальности уже не существует. Ни наблюдать прошлое, ни тем более экспериментировать с ним нельзя. Тем не менее историки добывают факты об этом сейчас реально не существующем объекте. И так как способы получения историками фактов мало кому известны за пределами этой науки, имеет смысл специально на них остановиться.

4. Критика источников как способ выявления фактов в исторической науке

Историки при изучении прошлого основываются на том, что принято называть историческими источниками, или, короче, просто источниками. Существует много видов источников, главные из которых – источники письменные (документы) и вещественные, прежде всего археологические, например развалины храмов, дворцов, орудия, оружие, домашняя утварь и т. п.

Историология возникла как наука об истории классового (цивилизованного) общества, и потому главными в ней всегда считались письменные источники – документы. Почти все (если не все) историки в прошлом считали, а многие и сейчас продолжают считать, что понятие истории полностью совпадает с понятием писаной истории. «Историей, – писал в начале XX в. известный немецкий ассириолог Г. Винклер, – мы называем то развитие человечества, которое засвидетельствовано *письменными документами*, которое передано нам в *слове и письме*. Все, что лежит до этого, относится к эпохе доисторической. История, следовательно, начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники»¹². В западной науке ни сама история первобытности, ни нау-

---

¹² Винклер, Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. – М., 1913. – С. 3.

ка о ней, как правило, никогда не именуются историей. В ходу другие названия: доистория, преистория, праистория, протоистория и т. п.

И особое внимание историков к документам вполне объяснимо. Сколько бы ни было источников, для реконструкции истории классового (цивилизованного) общества первостепенное значение имеют письменные источники. Мы сейчас, например, прекрасно знаем, что с XXIII в. по XVIII в. до н. э. в бассейне реки Инд существовало классовое общество – цивилизация Хараппы, или Индская. Но индская письменность до сих пор остается нерасшифрованной. Поэтому об общественном строе этого цивилизованного общества мы можем только догадываться. Мы не знаем, была ли Индская цивилизация системой конкретных классовых обществ (социоисторических организмов) типа городов-государств Шумера или одним крупным единым социоисторическим организмом, подобным Раннему царству Египта¹³. Мы ничего не знаем ни об одном из правителей этого или этих обществ, о событиях, которые происходили там в течение пяти веков существования данной цивилизации.

Источники всегда несут информацию о прошлом, но она в них заточена, скрыта. Факты, содержащиеся в них, нужно еще извлечь, что очень и очень нелегко. Историками разработаны разные способы извлечения фактов из источников. Так как историки всегда придавали первостепенное значение документам, то наиболее детально разработаны методы добывания фактов из письменных источников. Все они, вместе взятые, традиционно именуются критикой источников. Существует множество руководств по критике источников. Лучшим из них, бесспорно, является книга крупных французских историков Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898), которая до сих пор пользуется огромной популярностью как на Западе, так и у нас. Ее я и возьму за основу.

Когда тот или иной исторический документ оказывается в распоряжении специалистов, начинается деятельность, которая называется внешней, или подготовительной, критикой источников. Существуют два ее вида: (1) восстановительная критика и (2) критика происхождения.

---

¹³ О понятии «социоисторический организм» см.: Семенов, Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М., 2003. – С. 21–34.

Документы, относящиеся к более или менее отдаленным временам, редко представляют собой оригиналы. Чаще всего в руки историков попадают копии, причем снятые не прямо с оригиналов, а с более ранних копий. При переписке в документы вкрадываются различного рода искажения. Цель восстановительной критики состоит в очищении и восстановлении подлинного исходного текста.

Критика происхождения имеет целью выявить автора, время и место создания документа, а также выяснить, какими документами пользовался при этом сам автор. В результате такой критики выясняется, является ли данный документ подлинным или же он представляет собой позднейшую фальсификацию.

После завершения внешней (подготовительной) критики документа начинается внутренняя критика источника. Она подразделяется на (1) положительную и (2) отрицательную. Положительная критика называется также критикой истолкования (интерпретации), или герменевтикой. Истолкование в свою очередь подразделяется на (1) истолкование буквального смысла и (2) истолкование действительного смысла.

Истолкование буквального смысла – задача филологии, которая выступает здесь в роли одной из вспомогательных исторических наук. Но выявление буквального смысла текста источника не обязательно представляет собой выявление действительной мысли автора. Последний мог употребить некоторые выражения в переносном смысле, прибегнуть к аллегориям, шуткам, мистификациям. Когда истинный смысл текста установлен, положительная критика заканчивается.

Положительная критика, или критика истолкования, имеет дело исключительно с внутренней умственной работой автора исторического документа и знакомит только с его мыслями, но не с историческими фактами. Одной из грубых ошибок, которую допускают даже некоторые историки, не говоря уже о людях, не занимающихся наукой, заключается в отождествлении доказательства подлинности документа и выявления его действительного смысла с установлением исторической истины. Когда выявлена подлинность документа и правильно истолкован его текст, то у многих возникает иллюзия, что мы теперь знаем, как все происходило в действительности. Подлинность документа рассматривается как гарантия пра-

вильности свидетельств его автора. Но это справедливо лишь по отношению к идеям. Если та или иная идея выражена в документе, то это означает, что она действительно существовала. Здесь дальнейшая критика не нужна.

Со всем остальным дело обстоит гораздо сложнее. Свидетельства о тех или иных внешних явлениях общественной жизни, содержащиеся в безусловно подлинном документе, могут быть как истинными, так и ложными. Автор документа мог ошибаться, а мог и намеренно вводить в заблуждение. Факты, кроме тех, что относятся к духовной жизни автора, нельзя просто заимствовать из документа. Их нужно оттуда извлечь. Это задача отрицательной внутренней критики источника. Она распадается на (1) критику достоверности, долженствующую выяснить, не лгал ли намеренно автор документа, и (2) критику точности, задача которой определить, не ошибался ли он.

По мнению Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, исходным пунктом внутренней критики исторических документов должно быть методическое недоверие. «Историк должен, – пишут они, – а priori относиться с недоверием к каждому свидетельству автора документа, так как он никогда не уверен заранее, что оно не окажется лживым или ошибочным. Оно представляет для него только вероятность... Историк не должен ждать, пока противоречия между свидетельствами различных документов наведут его на сомнения, он должен сам начинать с сомнения»¹⁴.

В документе может быть и ложное, и истинное. Поэтому документ должен быть подвергнут анализу, с тем чтобы выделить все входящие в него самостоятельные свидетельства. Затем каждое из них исследуется отдельно. Процесс этот необычайно сложен. Существует масса приемов установления достоверности и точности свидетельств.

Одним из самых важных является ответ на вопрос о том, наблюдал ли автор документа сам то, о чем свидетельствует (сообщает), или же исходил из свидетельства иного лица. И если выясняется, что он опирался на чужое свидетельство, то снова возникает вопрос об источнике последнего: было ли это собственное наблю-

---

¹⁴ Ланглуа, Ш.-В., Сеньобос, Ш. Введение в изучение истории. – М., 2004. – С. 176.

дение или же опять-таки свидетельство иного лица. Этот вопрос может возникать вновь и вновь, уводя все дальше и дальше от автора документа. Как правило, почти в каждом документе большая часть показаний исходит не непосредственно от его автора, а представляет воспроизведение свидетельства других лиц.

Данный вид внутренней критики называется отрицательной критикой, потому что она может абсолютно точно установить лишь ложность того или иного свидетельства. Доказать же с несомненностью истинность какого бы то ни было свидетельства эта критика не в состоянии. Она может установить лишь вероятность истинности того или иного свидетельства, но не его достоверность.

Для установления достоверности того или иного факта необходимо прибегнуть к сравнению свидетельств о нем. «Возможность доказать исторический факт, – пишут Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, – зависит от числа сохранившихся независимых друг от друга документов относительно этого факта; сохранились или нет нужные документы, зависит вполне от случая, этим и объясняется роль случая в составлении истории»¹⁵. Самый важный метод установления достоверности исторических фактов состоит в выявлении согласия между ними, что означает переход от собственно критики источников и выявления исторических фактов к их объединению (истолкованию).

Легче всего установить достоверность общих фактов, наличие в тех или иных обществах тех или иных нравов, обычаев, учреждений и т. п. Гораздо сложнее обстоит дело с выявлением достоверности единичных (частных) фактов: действий и слов тех или иных лиц, свершения тех или иных событий. Но по крайней мере некоторые единичные факты также могут быть установлены с достоверностью.

5. Первичная обработка фактов – их превращение из единичных в общие

В естественных науках и во время сбора фактов, и после с неизбежностью идет процесс их первичной обработки. Суть его заключается в обобщении фактов, в превращении их из единичных в общие. Этот процесс был открыт в эпоху, когда была известна

---

¹⁵ Ланглуа, Ш.-В., Сеньобос, Ш. Указ. соч. – С. 213.

лишь одна логика – формальная, и истолкован как деятельность рассудка. Он получил название индукции, и учение о нем было включено в состав формальной логики под названием индуктивной логики. В действительности же этот процесс есть деятельность не столько рассудка, сколько разума. Поэтому как ни старались формальные логики выразить его в категориях своей науки, истолковать его как выведение одних суждений из других, как особого рода умозаключение, только не дедуктивное, а индуктивное, и подогнать его под законы (в действительности – под правила) своей науки, у них мало что получалось.

Попытки выразить этот процесс исключительно в таких концептах, как «понятия», «суждения» и «умозаключения», не только не давали возможности раскрыть его суть, но, наоборот, мешали этому. Для адекватного выражения этого процесса нужны были иные концепты: понятие единичного факта, понятие общего факта и понятие восхождения от единичного (отдельного) к общему.

Обработка единичных фактов происходила и в социальных науках, в частности в политической экономии. Свообразным было положение в исторической науке. Если в естественных науках уже добытые единичные факты после восхождения от них к общим фактам практически вплоть до создания теории переставали приниматься во внимание, то историология всегда продолжала использовать единичные факты. И в исторической науке имел место процесс восхождения от единичного к общему, но он, как правило, никогда не доводился до конца. Факты, которые получались в результате обработки единичных фактов, не были всеобщими. Они всегда были ограничены определенными пространственными и временными рамками, относились не к обществу вообще и истории вообще, а к определенным обществам, существовавшим в определенные исторические эпохи. Такого рода общие факты можно назвать частнообщими, или общечастными¹⁶.

6. Проблема понимания и объяснения в философии и науке

Однако никакая наука не могла ограничиваться лишь сбором и первичной обработкой фактов. Ученым с самого начала было ясно, что знание даже огромного множества единичных или даже общих

---

¹⁶ См.: Семенов, Ю. И. Труд Ш.-В. Ланглюа и Ш. Сеньбоса «Введение в изучение истории» / Ш.-В. Ланглюа, Ш. Сеньбос // Введение в изучение истории. – М., 2004.

фактов, относящихся к изучаемому объекту, само по себе взятое, не есть подлинное знание об этом объекте. Знания фактов совершенно недостаточно, необходимо их понимание. Понятие понимания неразрывно связано с понятием объяснения. Понять факты означает дать им то или иное объяснение. Ученые давно пользовались понятиями понимания и объяснения, не пытаясь при этом ни разработать их, ни даже сколько-нибудь четко определить. Но при этом они всегда исходили из того, что понимание (объяснение) не есть что-то отличное от познания, оно представляет какой-то момент, компонент, какую-то форму, сторону или ступень познания.

Иную позицию заняли философы, точнее, определенная их часть. Как уже отмечалось, понятие факта вошло в философию довольно поздно. Долгое время оно совсем не числилось в среде категорией теории познания. Еще позднее до философов наконец-то дошло, что факты нужно не только знать, но еще и понимать. Но когда это произошло, начался настоящий ажиотаж. Частью философов понимание было объявлено чем-то совершенно отличным от познания. Появились призывы создать особую теорию понимания, отличную от теории познания.

Когда философы столкнулись с проблемой понимания, они в поисках ее решения стали обращаться к конкретным наукам. Из их числа они прежде всего обратились к герменевтике, которая давно уже считалась областью знания, специально занимавшейся разработкой проблем понимания.

К настоящему времени окончательно оформились две качественно отличные разновидности герменевтики. Об одной из этих герменевтик выше уже шла речь. Это специальная конкретная научная дисциплина, по мнению одних, совпадающая с филологией, по мнению других – представляющая один из ее разделов. Как мы уже видели, она, помимо всего прочего, использовалась и используется в историологии при внешней критике письменных источников. Вторая – герменевтика как момент, сторона, раздел или даже направление в философии. Ее обычно именуют философской герменевтикой.

Герменевтика ни в каком своем обличье ничем не могла помочь гносеологии потому, что слова «понимание», «интерпретация» имели в ней совершенно иной смысл, чем у ученых, работавших

с фактами. Научная герменевтика занималась пониманием, истолкованием не фактов, а текстов. Истолковать текст означало не что иное, как выявить его смысл, то есть заключенные в нем мысли. И больше ничего.

Философская герменевтика всегда претендовала на большее. Эти претензии шли по двум основным линиям. Ведь если исходить из того, что ход истории определяется идеями людей, то герменевтика, вскрывая путем истолкования текстов идеи, которыми руководствовались деятели прошлого, дает тем самым ключ к пониманию истории. Это во-первых. Во-вторых, суть герменевтики заключается в выявлении смысла, а смысл имеют не только письменные тексты, но и человеческие действия. Эти действия можно понять как знаки, а их последовательность – как текст. Социальные факты суть действия людей. Раскрывая смысл человеческих поступков, герменевтика тем самым открывает путь к пониманию социальных фактов и, следовательно, выступает как наука, обеспечивающая понимание общества и его истории.

Но если о смысле человеческих действий, а тем самым если не всех, то по крайней мере части социальных фактов еще можно говорить, то это абсолютно неприменимо к природным фактам. В природе нет никакого смысла. Никакие мысли не скрываются за природными фактами и не проявляются в них. Когда некоторые естествоиспытатели говорят о смысле природных явлений, они имеют в виду вовсе не смысл в точном значении этого слова, то есть не мысли, а объективную сущность этих явлений, которая может быть выражена только в мыслях.

Таким образом, слова «понимание», «истолкование» (интерпретация) в применении к фактам, прежде всего природным, имеют совершенно иной смысл, чем в применении к текстам. И ученые, не занимаясь специально теоретической разработкой смысла этих слов в их применении к конкретным наукам (исключая, конечно, научную герменевтику), пусть не в полной мере, не эксплицитно, но все же смысл их понимали.

Разобравшись в одном из значений слова «понимание», а именно в том, которое оно имеет в научной герменевтике, нужно обратиться к выявлению другого его значения, а именно того, в котором оно используется во всех других науках, когда говорят о понимании как природных, так и социальных фактов.

7. Объединение (унитаризация) фактов. Идея. Интуиция. Два вида унитаризации фактов: эссенциализация и холизация

При выявлении сути фактов выше особо подчеркивалась такая их особенность, как объективность. Факты – бесспорно объективны. И в то же время они и субъективны. И эта субъективность фактов заключается вовсе не в том, что они существуют в суждениях как содержания последних. Выше уже отмечалось, что факт есть момент действительности, вырванный из нее и пересаженный в мышление человека. Таким образом, установление факта есть вырывание момента действительности из самой действительности. Разумное познание мира на первых порах с неизбежностью предполагает его раздробление на множество фрагментов. В этой изоляции фактов друг от друга и заключается их субъективность. Ведь в объективной реальности все те ее моменты, которые вошли в сознание в качестве фактов, существуют в неразрывной связи друг с другом. А в сознании они разъединены, оторваны друг от друга.

Образно выражаясь, факты, взятые сами по себе, изолированно друг от друга, суть осколки, обломки мира. И никакая, даже самая большая, куча этих обломков, никакая самая большая совокупность фактов не может дать целостного знания о реальности. Если мы разберем, скажем, дом, то он после этого существовать не будет, даже если при этом мы полностью сохраним все до единого материальные элементы (бревна, доски, оконные рамы, стекла и т. п.), из которых он был построен.

Вот потому-то все ученые, настаивая на огромной важности фактов как фундамента, на котором только и может быть воздвигнуто здание научного познания, в то же время без конца говорили о том, что факты, взятые в изоляции друг от друга, ничего не стоят. И они, как правило, указывали, что сделать для преодоления субъективности фактов. Их нужно связать друг с другом, нужно объединить.

«Простой факт или тысячи фактов, без взаимной связи, – писал крупнейший химик XIX в. Ю. Либих, – не имеют силу доказательств»¹⁷. «Простое констатирование фактов, – говорил великий французский физиолог К. Бернар, – никогда не может составить

---

¹⁷ Либих, Ю. Письма о химии / пер. с 4-го нем. изд. – СПб., 1861. – Т. 1. – С. 19.

науку. Напрасно мы умножали бы факты и наблюдения; из этого ничего бы не вышло. Чтобы приобрести познания, необходимо нужно рассуждать о том, что было наблюдаемо, сравнивать факты и судить о них посредством других фактов»¹⁸.

«Отдельные факты, – говорил знаменитый русский химик А. М. Бутлеров, – являются здесь, как слово в целой странице, как определенная тень в картине. Взятые сами по себе, они могут иметь весьма ограниченное значение. Как из ряда слов составляется речь, а из совокупности теней – определенные образы, так из массы постигнутых фактов, состоящих в связи друг с другом, рождается знание в его возвышенном, лучшем смысле... Только тогда начинается истинное человеческое знание, возникает наука»¹⁹. «Голые факты, – указывал выдающийся немецкий биолог Э. Геккель, – служат только сырым материалом, из которого без разумного сопоставления и философского соединения не может быть построена никакая наука»²⁰. «Нельзя ли нам удовольствоваться одним только чистым опытом? – спрашивал замечательный французский математик и физик А. Пуанкаре и тут же отвечал: – Нет, это невозможно: такое стремление свидетельствовало бы о полном незнакомстве с истинным характером науки. Ученый должен систематизировать; наука строится из фактов, как дом из кирпичей; но простое собрание фактов столь же мало является наукой, как куча камней – домом»²¹.

«В области явлений общественных, – писал специалист в области уже не естественных, а общественных наук В. И. Ленин, – нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи* не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже... Вывод отсюда ясен: нужно установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов,

¹⁸ Бернар, К. Введение в изучение опытной медицины. – СПб. – М., 1866. – С. 20.

¹⁹ Бутлеров, А. М. О практическом значении научных химических работ / А. М. Бутлеров // Соч.: в 3 т. – Т. 3. – М., 1958. – С. 19–20.

²⁰ Геккель, Э. История племенного развития организмов. – СПб., 1879. – С. 661.

²¹ Пуанкаре, А. Наука и гипотеза. О науке. – М., 1990. – С. 116–117.

на который можно было бы опираться, с которым можно было сопоставлять любое из тех “общих” или “примерных” рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без *единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится “субъективная” стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»²².

Таким образом, единственный способ преодолеть субъективность фактов заключается в том, чтобы связать их воедино, причем связать их так, как связаны в самой реальной действительности эквиваленты фактов. А это предполагает познание связей, существующих в реальности. Только познав реальные связи между эквивалентами, можно из груды обломков мира построить в сознании мир таким, каким он существует вне сознания, воссоздать реальный мир во всей его целостности.

Получив в свое распоряжение факты, люди начинают их так или иначе упорядочивать: классифицируют, обобщают, расставляют их во времени и пространстве. Но все это пока еще не объединение фактов, а лишь создание условий для него. Объединение начинается тогда, когда вскрываются более глубокие, чем пространственные и временные, отношения между моментами действительности, и каждый факт предстает не изолированно, а в связи с целым рядом других таких же фрагментов.

Именно это связывание фактов друг с другом, их объединение и есть то, что принято называть истолкованием (интерпретацией) фактов. Результат этого процесса – понимание фактов. Проявляется это понимание в объяснении фактов. Связывание, объединение фактов можно было бы назвать унитаризацией (фр. *unitaire* от лат. *unitas* – единство).

Унитаризация всегда начинается с появлением идеи. Идея есть простейшая единица истолкования, элементарная мыслительная

---

²² Ленин, В. И. Статистика и социология / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 30. – С. 350–351.

форма, в которой может проявиться понимание, и тем самым исходный пункт унитаризации. Всякая истинная идея возникает на основании фактов, но сама она никогда не выводится прямо из них по законам формальной логики. Она возникает в результате интуиции, которая играет в логике разумного мышления роль, аналогичную роли умозаключения в логике рассудочного мышления. Возникнув, идея в последующем может подвергнуться разработке и превратиться в систему идей.

Унитаризация фактов происходит по-разному в зависимости от того, какие именно факты связываются, объединяются, интерпретируются. Как уже указывалось, существуют два основных вида фактов: факты единичные и факты общие. Соответственно существуют два основных вида унитаризации фактов: унитаризация единичных фактов и унитаризация общих фактов.

Первый и более простой вид унитаризации – объединение единичных фактов. Он заключается в том, что единичные факты при посредстве идеи соединяются таким образом, что становятся частями единого целого. Вполне понятно, что определенную совокупность единичных фактов можно объединить только в том случае, когда соответствующие им в реальности эквиваленты действительно представляют собой части единого целого. Понятия целого и частей часто конкретизируются в понятиях «система», «структура», «элементы»... Система всегда состоит из более или менее определенного числа элементов, связанных воедино определенной структурой. Именно структура делает те или иные моменты реальности частями единого целого, элементами одной системы. Объединение единичных фактов с необходимостью предполагает выявление реальной структуры, реального каркаса реально существующего целостного образования. Идея, чтобы объединить единичные факты, должна представлять собой отражение структуры реального целого, структурных связей, соединяющих элементы реальной системы.

Если образно назвать единичные факты осколками, обломками мира, то такого рода унитаризацию можно охарактеризовать как «склеивание» этих осколков в единое целое. Роль «клея» при этом выполняет идея. Добывание фактов можно, скажем, сравнить с разбиванием фарфоровой вазы на мелкие осколки, а описанную выше унитаризацию – со склеиванием их, в результате которого

перед нами предстает ваза такой, какой она существовала первоначально. Движение мысли идет при этом от частей к целому. Результатом является умственная конструкция, в которую добытые единичные факты, объединенные посредством идеи, входят в качестве необходимых ее частей. В моей работе «Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса “Введение в изучение истории” и современная историческая наука» (2004) она была названа *идеяфактуальной картиной*, или, короче, *идеяфактуалом*²³.

Как это ни странно, но рассмотренный выше мыслительный процесс до упомянутой выше моей работы никогда не подвергался теоретическому анализу и до сих пор не имеет ни в философии, ни в науке никакого названия. Я буду именовать этот вид унитаризации холизацией (от греч. *holos* – целое). Соответственно результату холизации – созданной целостной картине, частями которой являются единичные факты, – можно кроме названия идеяфактуальной картины присвоить и более короткое – холия. Соответственно идею, соединяющую единичные факты, можно назвать холической идеей. Представляя собой отражение целостности, холическая идея дает возможность дать картину целого, воспроизвести, воссоздать целое. Холия, или идеяфактуальная картина, есть умственная целостная система, в которую единичные факты входят в качестве ее элементов. Предварительный набросок холии обычно называется версией.

Описанный вид унитаризации никогда не использовался и не мог использоваться в естественных науках. В естествознании полученные единичные факты сразу же или несколько позднее, но всегда обобщаются. От единичных фактов мысль естествоиспытателя во всех случаях без исключения движется к общим фактам. Для естественных наук только общие факты имеют значение.

Но даже общие факты, сами по себе взятые, представляют собой лишь фрагменты мира. И самая полная сумма общих фактов не способна дать картины мира. Их обязательно нужно объединить. Но в случае с общими фактами холизация невозможна. Единственно возможный здесь способ – открытие сущности явлений, представленных в мышлении фактами, выявление законов, определяющих динамику этих явлений. Только познание сущности, законов

---

²³ Семенов, Ю. И. Указ. соч.

дает возможность объединить общие, а тем самым и стоящие за ними единичные факты. Этот вид унитаризации можно назвать эссенциализацией (от лат. *essentia* – сущность). Эссенциализация начинается с создания идеи, представляющей собой эскиз сущности, – эссенциальной идеи. Затем эссенциальная идея разрабатывается, и создается вначале гипотеза, которая или отвергается, или становится теорией, которая есть уже не эскиз, а картина сущности. Поэтому данный процесс можно было бы назвать и теоретизацией.

В данном случае объединение означает не воссоздание целого из частей, а выявление общего между всеми данными явлениями, заключающегося в том, что все они подчинены действию одного и того же закона или одних и тех же законов. Здесь мысль движется не от части к целому, как при холизации, а от одного уровня общего к более глубокому его уровню. Поэтому если холия включает в себя в качестве своих составных частей факты, которые она объединяет, то теория никаких фактов в себя не включает. Она представляет собой исключительно систему идей.

Эссенциализация, или теоретизация, является более высокой формой унитаризации, чем холизация. Она возникает довольно поздно в отличие от холизации, которая в различного рода формах существовала всегда. Теория может быть научной и только научной (под наукой понимается и наука философии), холия же может быть и чаще всего является не научной, а житейской.

В отличие от холизации процесс эссенциализации, создания теории давно уже замечен и более или менее детально изучен. О нем существует огромное количество литературы. Но это отнюдь не значит, что его не нужно продолжать исследовать. В философской литературе, особенно в трудах представителей аналитической философии, теория чаще всего понимается неверно. Ее трактуют как высказывание (суждение, предложение), сумму или, в самом лучшем случае, систему высказываний. В действительности же теория никогда не состоит из суждений. Она есть система идей и понятий, которая находит свое выражение в тексте. Нужно четко отличать теорию от теоретекста.